

Поверил он алгеброй гармонию

Исполнилось 75 лет со дня рождения композитора Эдисона Денисова

Вениамин Шлосман

Имя Эдисона Денисова — крупнейшего отечественного композитора-авангардиста — более или менее на слуху; хуже дело обстоит с исполнением его музыки и информацией о ней, тогда как среди своего поколения Денисов был во многих отношениях первым. Так, история московской премьеры «Фауст-кантаты» Альфреда Шнитке (конная милиция, изъятие «комитетчиками» тиража концертных программ, невероятный ажиотаж вокруг билетов и контрамарок) была не чем иным, как отражением первых исполнений кантаты Денисова «Солнце инков», состоявшихся в Ленинграде еще в 1964 году. И хотя имя Денисова еще не было известно в Северной столице, на втором концерте были уже и милиция, и переполненный зал: шутка ли — впервые официально исполнялось сочинение советского композитора, написанное вне рамок тональности, с явным влиянием буржуазных декадентов Веберна и Булеза. Сегодня подобная музыка воспринимается уже как классика.

«Солнцем инков» дирижировал Геннадий Рождественский; по инициативе пианиста Алексея Любимова эта историческая запись недавно вышла на CD. Денисов считал «Инков» своим первым зрелым сочинением и дал ему опусный номер 1; в 1965 году кантата исполнялась в Дармштадте и Париже, о ней похвально отзывался восьмидесятичетырехлетний Игорь Стравинский. И если европейским исполнениям «Солнца» все же предшествовали концерты в Ленинграде, то в дальнейшем на протяжении более чем двадцати лет премьеры большинства сочинений Денисова проходили где угодно, но не на родине композитора. Критика его опусов была несправедливой и жесткой, но Денисов не опускал рук. Трудно переоценить его усилия по знакомству своих коллег и учеников с сочинениями западных композиторов: с музыкальных фестивалей в странах Восточной Европы Денисов привозил массу записей, нот и знакомств, а дома у него устраивались встречи с такими мастерами европейского

Денисов, композитор, который знал толк и в алгебре и в гармонии.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

авангарда, как Луиджи Ноно и Пьер Булез.

Альфред Шнитке вспоминал, что его отношения с Денисовым улучшались по мере углубления творческих расхождений. Сегодня ясно, что общего у двух мастеров не слишком много: если Шнитке предпочитал традиционные формы симфонии, струнного квартета, инструментального концерта, вкладывая в них новое содержание, то Денисов предпочитал изобретать форму сам. Если творческим методом Шнитке была полистилистика, органично соединявшая элементы и манеры музыки разных эпох, то Денисов считал подобные эксперименты — как и минимализм — шарлатанством и резко критиковал современников за пристрастие к цитированию классиков. Тем не менее в насле-

дии Денисова — наряду с полностью «авторскими» сочинениями — большой интерес представляют именно те, где композитор использовал чужой материал. Это и Вариации на темы Гайдна для виолончели с оркестром, и Партита Баха со знаменитой Чаконой, обработанная Денисовым для скрипки с оркестром, и Пять каприсов Паганини.

Запоздалое официальное признание пришло к Денисову в годы перестройки: в 1990 году он стал одним из секретарей Союза композиторов, возглавил вновь созданную Ассоциацию современной музыки и стал регулярно выезжать за рубеж. В 1994 году композитор попал в тяжелую автокатастрофу; после десяти дней реанимации Денисова перевезли во Францию. После двух лет лечения Денисова не стало. В

концертных программах его музыка звучит крайне редко, хотя ее можно слышать и по телевизору в таких фильмах, как «Безымянная звезда», «Идеальный муж» и другие. Впрочем, киномузыка Денисова интересна главным образом тем, до какой степени она не отражает яркой индивидуальности композитора, вырастившего не одно поколение музыкантов. Тем более удивительно думать, что отечественная музыка могла бы быть лишена Денисова: по первому образованию он был математиком и решил поступать в консерваторию лишь после того, как его ранние музыкальные опыты одобрил Дмитрий Шостакович.

Вениамин Шлосман — муз. критик, кандидат искусствоведения.